

DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.2.04

УДК 344.131.2(470.53)“1944/45”

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ТРУДОВОГО ДЕЗЕРТИРСТВА В 1944–1945 ГОДАХ

Ю.Г. Белоногов

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 17 марта 2021 г.

Принята: 23 апреля 2021 г.

Опубликована: 06 августа 2021 г.

Ключевые слова:

карательная политика, трудовые дезертиры, амнистия, Указ 26 декабря 1941 г., Великая Отечественная война, Пермский край.

АННОТАЦИЯ

Объектом научного исследования стала эволюция законодательства и его правоприменительной практики в отношении дезертиров с предприятий военной промышленности на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Данная эволюция формально предполагала очевидное смещение акцентов в карательной политике по регулированию трудовой мобильности: от ужесточения правоприменительной практики до проведения масштабных амнистий трудящихся, самовольно оставивших места работы. Автор на основе архивных материалов современного Пермского края анализирует практическую реализацию новаций, отраженных в Постановлении Правительства СССР от 29 июня 1944 года (изменение процедуры розыска и наказания дезертиров; привлечение к уголовной и партийной ответственности хозяйственных руководителей за несоблюдение норм Указа от 26 декабря 1941 года; проведение профилактических мероприятий по улучшению условий труда и быта). Однако попытки системных улучшений действовавшего законодательства и его правоприменительной практики наталкивались на определенные институциональные ограничения, существовавшие как в силу номенклатурной организации власти, так и соотношения спроса и предложения на рынке труда. Причины проведения амнистий в 1944–1945 годах автор усматривает в низкой эффективности ужесточения карательных мер, чрезмерно больших административных издержках в межведомственном взаимодействии при реализации Указа от 26 декабря 1941 года. Подчеркивается, что проведение амнистии не изменяло сущность законодательства о привлечении к уголовной ответственности за самовольное оставление места работы, а лишь являлось реакцией государства, защищавшего ведомственные интересы наркоматов военной промышленности по обеспечению предприятий рабочей силой, на малоэффективный розыск трудовых дезертиров.

© ПНИПУ

© **Белоногов Юрий Геннадьевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9558-4357>, e-mail: ugb78@mail.ru.

© **Yury G. Belonogov** – Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor, Department of Public Administration and History, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9558-4357>, e-mail: ugb78@mail.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

EVOLUTION OF STATE POLICY TOWARDS LABOUR DESERTION IN 1944–1945

Yury G. Belonogov

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 17 March 2021
Accepted: 23 April 2021
Published: 06 August 2021

Keywords:

punitive policy; labour deserters;
amnesty; Decree of December 26,
1941; The Great Patriotic War; Perm
Territory.

ABSTRACT

The object of scientific research was the evolution of legislation and its law enforcement practice with respect to the deserters from military industrial enterprises at the final stage of World War II. This evolution formally suggested an obvious change of emphasis in the penal policy of labour mobility control: from toughening law enforcement practices to realization of large-scale amnesties of workers who arbitrarily left their places of work. On the basis of the local archival materials the author analyzes practical implementation of innovations reflected in the Decree of the Government of the USSR of June 29, 1944 (change in the procedure for searching and punishing deserters; bringing economic leaders to criminal and party responsibility for non-compliance with the norms of the Decree of December 26, 1941; preventive measures aimed at improvement of working and living conditions). However, attempts of systemic improvement of existing legislation and its enforcement practices faced with certain institutional constraints existed due to the nomenclature organization of power and the supply and demand correlation in the labour market. The author sees the reasons for the amnesties in 1944–1945 in the low efficiency of toughening punitive measures, excessively high administrative expenses in the process of the Decree of December 26, 1941 realization. It is mentioned that holding the amnesty did not change the substance of the legislation on criminal prosecution for unauthorized abandonment of the workplace of work but was only the reaction of the state which defended the department interests of the military industry people's commissariats concerning the provision of enterprises with labor force, the reaction to the poorly effective search for labor deserters.

© PNRPU

Постановка проблемы. С началом Великой Отечественной войны проблема негативных трудовых девиаций продолжала оставаться крайне актуальной: за первые полгода войны исследователи фиксируют значительное увеличение количества осужденных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года (например, см.: [1, с. 330, 343–344]). На наш взгляд, это объясняется рядом взаимосвязанных обстоятельств. Во-первых, начали существенно меняться численность и социальный состав тружеников тыла: в условиях острого дефицита кадров объективно повышался удельный вес низкоквалифицированной рабочей силы в лице выпускников школ ФЗО и ремесленных училищ, мобилизованных колхозников, трудармейцев и заключенных. Именно представители указанных четырех социальных групп, судя по отчетам с мест, в наибольшей степени были подвержены самовольному оставлению места работы в период войны. Во-вторых, рост негативных трудовых девиаций стал неизбежным следствием перестройки экономики на «военные рельсы». Экономическая трансформация сопровождалась нарушением хозяйственных связей между предприятиями, срывом поставок сырья, простоем производства и невыполнением увеличивающихся оборонных заданий, значительным снижением уровня жизни трудящихся. Это стало объективной предпосылкой достаточно критического уровня самовольного оставления места работы, что ставило под сомнение выполнение предприятиями военной промышленности оборонных заказов. В условиях войны все более важную роль объективно приобретало соревнование экономик воюющих государств, их ресурсных возможностей для бесперебойного обеспечения фронта необходимой военной продукцией. Для победы в войне требовалась слаженная работа тыла для выполнения напряженных плановых заданий, а этому объективно препятствовал и высокий уровень несанкционированной текучести кадров.

Решение указанной комплексной проблемы традиционно усматривалось в ужесточении уголовного наказания именно за самовольный уход, который представлял наибольшую опас-

ность для выполнения предприятиями планов оборонного значения. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года значительно увеличил срок наказания за дезертирство с предприятий военной промышленности [2], что должно было по замыслу советского руководства выполнять профилактическую функцию и существенно ограничить самовольный уход работников.

Однако состояние трудовой дисциплины за 1942–1943 годы признавалось местными парткомами неудовлетворительным. После «коренного перелома» в Великой Отечественной войне и окончательного перехода стратегической инициативы в войне к Красной армии советское руководство попыталось разрешить уже назревшую проблему неэффективности реализации Указа от 26 декабря 1941 года. Ее суть заключалась в том, что «трибунальное правосудие» только увеличивало статистические показатели осужденных за трудовое дезертирство, создавая лишь видимость борьбы с этой разновидностью трудовых преступлений, но при этом не способствовало качественному уменьшению случаев самовольного оставления места работы и возвращению трудовых дезертиров.

Содержание причин слабой экономической эффективности данного закона уже достаточно полно изучено в научной литературе. Первая причина заключалась в том, что подавляющая часть дел по Указу от 26 декабря 1941 года рассматривалась военными трибуналами в заочной форме. При этом процедура заочного осуждения не выполняла очень важную, профилактическую, функцию правосудия: неразысканные осужденные дезертиры фактически оставались безнаказанными, что провоцировало других работников на самовольное оставление места работы. Вторая причина заключалась в низкой эффективности розыска дезертиров производства органами милиции из-за трудностей процессуального межведомственного взаимодействия (подробней см.: [3]). В условиях отсутствия предварительного следствия, низкой эффективности розыскных мероприятий, неполноты и низкого качества материалов, передаваемых в военные трибуналы, нередкими были и судебные ошибки, когда к уголовной ответственности привлекались невиновные лица (призванные в ряды РККА, заболевшие, переведенные на другую работу на том же предприятии и т.п.) [4, с. 103, 105]. Это могло повлиять на общее снижение легитимности правящего режима. Третья проблема была обусловлена ситуацией на рынке труда. По опубликованным данным, численность рабочих и служащих в сфере промышленности на территории СССР сократилась с 11,0 млн человек в 1940 году до 7,2 млн в 1942 году, а к 1945 году этот показатель несколько увеличился, до 9,5 млн человек. При этом плановые рабочие вакансии в промышленности, строительстве и на транспорте за период с 1942 года – до первой половины 1945 года были заполнены всего на 72,6 % [5, с. 285; 6, с. 68]. В условиях, когда спрос на рабочую силу значительно превышал предложение, трудовые дезертиры достаточно легко устраивались на новое место работы у себя на родине, что было особенно просто сделать в сельской местности (например, см.: [7, с. 94]).

Целью данной статьи является анализ правоприменительной практики по реализации данного Указа на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944–1945). Именно в этот период, на наш взгляд, прослеживается изменение государственной политики в отношении явления трудового дезертирства. Территориальные рамки исследования локализованы границами современного Пермского края: в изучаемое время Молотовская область географически и экономически являлась важной частью Большого Урала как важнейшего индустриального центра СССР.

Источниковая база исследования прежде всего опирается на делопроизводственную документацию регионального и местных комитетов ВКП(б), куда направлялись отчетные, ста-

тистические, информационно-аналитические материалы от руководства предприятий, нижестоящих парткомов, органов прокуратуры, милиции, военного трибунала войск НКВД СССР по проблемам дезертирства с предприятий военной промышленности и других отраслей, связанных с ней по принципу кооперации.

Постановление СНК СССР от 29 июня 1944 года: новые методы решения старых проблем. Важной вехой в реализации Указа от 26 декабря 1941 года стало принятие Постановления Совета Народных комиссаров СССР от 29 июня 1944 года [8]. Содержание данного нормативно-правового акта и его правоприменительная практика свидетельствовали о более системном подходе власти к решению проблемы самовольного оставления места работы мобилизованными трудящимися. Это касалось не только изменения процедуры организации розыска и наказаний дезертиров производства, но и использования санкций в отношении руководства предприятий за несвоевременное и необоснованное оформление материалов для уголовных дел, за укрывательство дезертиров. Более серьезное внимание начинает уделяться социально-экономическим мероприятиям по профилактике трудового дезертирства.

Значимость данного нормативно-правового акта подтверждается тем, что новые установки отразились и в постановлении ЦК ВКП(б) от 3 июля 1944 года. Для его реализации бюро Молотовского обкома ВКП(б) от 18 июля 1944 года приняло свое постановление. Местные парткомы обязывались систематически проверять работу районных и городских органов НКВД и прокуратуры. Под руководством местных парткомов должны были проводиться инструктивные совещания по вопросам правильного ведения учета личного состава, правильного ведения табельного учета, правильного оформления материалов на привлекаемых по Указу от 26 декабря 1941 года с участием директоров предприятий, начальников отделов кадров предприятий и учреждений, работников судов, прокуратуры и НКВД. Председатели местных райисполкомов и районные прокуроры обязывались предупредить всех руководителей предприятий, учреждений, сельсоветов и правлений колхозов о привлечении их к уголовной ответственности как укрывателей дезертиров военной промышленности за принятие тех на работу. В первичных парторганизациях эти вопросы обсуждались заседаниях партбюро и на партийных собраниях.

Какие последствия имела правоприменительная практика данного Постановления?

Во-первых, реализация Постановления Правительства СССР придала новый импульс деятельности городских и районных органов НКВД по розыску дезертиров производства. Это усиление проявилось прежде всего в проведении массовых облав на рынках, в кинотеатрах, на пристанях, станциях железных дорог. В Коми-Пермяцком округе группа работников аппарата окротдела НКВД была направлена в местные сельсоветы и колхозы с целью проверки лиц, ранее мобилизованных военкоматами и отделами мобилизации райисполкомов на работу в оборонную промышленность и вернувшихся к месту жительства. В Кочевском районе того же административного округа местный партийно-советский актив привлекался к проверке документов в населенных пунктах [9, л. 13–15]. Закономерным результатом таких мероприятий стало задержание не столько трудовых дезертиров, сколько военных дезертиров и уклоняющихся от призыва в РККА, нарушителей военного учета и паспортного режима, беглецов из исправительно-трудовых учреждений [10, л. 115–116].

Усиление работы по розыску и задержанию дезертиров не могло не отразиться на увеличении численности заключенных из числа данной категории работников. Согласно данным В.Н. Земскова, если на 1.01.1943 года в лагерях и колониях (без учета тюрем) пенитенциарной системы СССР насчитывалось 27 541 человек, осужденных по Указу от 26 декабря 1941 года, на 1.01.1944 год – 75 599 человек, то за 1944 год их число выросло более чем в два раза, достигнув к

1.01.1945 году показателя в 183 321 человек (подсчитано по [11, с. 46]). Однако наши подсчеты на основе статистических данных В.Н. Земскова [12, с. 111] показывают: общее число лиц, отбывавших наказание за нарушение данного Указа, на 1.1.1945 год составляло всего лишь 24 % от общего числа осужденных военными трибуналами за трудовое дезертирство в 1942–1944 годах.

Во-вторых, рассматриваемое Постановление 1944 года должно было повысить эффективность процессуальных действий, необходимых для реализации Указа от 26 декабря 1941 года. Так, восстанавливалось предварительное следствие и отменялось заочное осуждение. Прокуратура обязывалась вести расследование по делам о трудовом дезертирстве в течение трех дней, а в случае особой сложности дел – в срок 10 дней после розыска дезертира. В трибуналы такие дела можно было передавать только после розыска обвиняемого, осуществляемого органами милиции по заданию прокуратуры. Военные трибуналы не должны были допускать заочного осуждения по делам о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и обязывались соблюдать трехдневный процессуальный срок рассмотрения таких дел [8].

Поэтому военные трибуналы стали более активно пользоваться правом возвращать дела прокурорам на доследование из-за плохого качества следственных материалов. На основе изучения материалов военного трибунала войск НКВД Удмуртской АССР О.В. Ветошкина упоминает о возврате дел в тех случаях, когда дезертир не достиг 16-летнего возраста или не были выяснены причины, побудившие человека совершить дезертирство [13, с. 240]. Руководители военного трибунала войск НКВД по Молотовской области жаловались на недостаточную работу органов прокуратуры: в передаваемых делах могли отсутствовать необходимые данные о трудовых дезертирах, иногда не было протоколов допросов дезертиров. Приводились примеры передачи дел в отношении людей, у которых были оправдательные документы [14, л. 94–95].

В свою очередь прокурорские работники пытались более активно привлекать к уголовной ответственности представителей предприятий, ответственных как за некачественное (недостоверное) составление материалов, так и за незаконную отдачу под суд невиновных людей. Так, интерес представляет затяжной конфликт между прокурором Сталинского района г. Молотова Зубовским и директором крупного оборонного предприятия им. Сталина Солдатовым по поводу привлечения к уголовной ответственности помощника директора (начальника отдела найма и увольнения) завода Войнарского за факты неосновательного оформления материалов на работников-«дезертиров» (например, в одном случае материал как на дезертира был оформлен на работника, который отказался подчиниться приказу о переводе на другое место работы; в другом случае начальник отдела не поставил в известность прокуратуру о том, что «дезертир» был допущен заводом до работы) [15, л. 23–24]. Директор завода уведомил прокуратуру, что в отношении виновных руководящих работников цехов и отдела найма и увольнения им приняты меры к наложению взысканий, однако при непосредственной проверке выяснилось, что никаких мер по представлению прокуратуры не принято, а руководство отдела делалось формальной отпиской [14, л. 4].

Получила очередной импульс (после событий августа – сентября 1940 года по реализации Указа от 26 июня 1940 г.) кампания по привлечению к уголовной ответственности низовых руководителей предприятий (помощников начальников цехов, мастеров цехов) за задержку в оформлении материалов дел на дезертиров. Угроза уголовного наказания за нарушения процессуальных сроков способствовала увеличению количества направляемых в прокуратуру дел. Например, уже за июль 1944 года в городскую и районные прокуратуры г. Молотова поступило 990 дел по Указу от 26 декабря 1941 года, в августе – уже 2200. Динамика количества переданных дел свидетельствует как о прежней неспешной практике руко-

водства предприятий в формировании материалов на дезертиров производства, так и о мотивирующей для хозяйственных руководителей роли Постановления Правительства СССР в своевременном оформлении материалов. Так, в Молотовскую районную прокуратуру г. Молотова в августе 1944 года поступило 723 дела на дезертиров, из которых собственно «августовские» дела составили всего 165 штук, «июльские» – 193, «июньские» – 91, остальные 276 дел – с предыдущих месяцев [14, л. 71].

В-третьих, для недопущения задержек в рассмотрении дел и приведения приговоров в исполнение, а также в целях некоторой разгрузки функционирующих на тот момент военных трибуналов от излишнего количества дел о трудовом дезертирстве именно в крупных промышленных районах Наркомат юстиции СССР обязывался организовать военные трибуналы или постоянные сессии военных трибуналов. Так, согласно докладной записке от председателя военного трибунала войск НКВД Молотовской области капитана юстиции Беляева, в 1943 году выездная сессия трибунала систематически находилась только в крупных центрах угольной промышленности (Кизел, Губаха, Половинка) [16, л. 152]. После принятия Постановления от 29 июня 1944 года начинали функционировать выездные сессии трибунала при крупных оборонных предприятиях Молотовской области для открытых показательных процессов над пойманными дезертирами. На такие процессы выносились дела на наиболее «злостных дезорганизаторов производства», приговоры были максимально суровыми, а судебные решения впоследствии зачитывались на рабочих собраниях смен и цехов. Так, выездная сессия военного трибунала на Краснокамском целлюлозно-бумажном комбинате в ходе открытого заседания в присутствии работников предприятия приговорила дезертировавшего рабочего лесозавода (структурное подразделение комбината) Смирнова к восьми годам заключения [10, л. 118об.].

В-четвертых, в народных судах активизировалась кампания по привлечению к уголовной ответственности руководящих работников, незаконно принимавших на работу дезертиров с оборонных предприятий. К таковым работникам Постановление СНК СССР от 29 июня 1944 года относилось должностных лиц предприятий и учреждений, а также председателей правлений колхозов. Анализ отчетов местных парткомов позволяет сделать вывод о том, что данная кампания была небольшой как по продолжительности, так и по масштабам. Видимо, местное сельское партийное руководство старалось при реализации обозначенных выше нормативных актов отделаться «малой кровью»: это заметно как по единичному количеству индивидов, привлеченных к уголовной ответственности за «укрывательство» дезертиров, так и по их месту во властной иерархии (председатели небольших колхозов, руководители небольших промышленных и строительных организаций с малочисленным персоналом). Например, в соответствующей докладной записке Краснокамского горкома ВКП(б) приводился пример осуждения 6 сентября 1944 года народным судом заведующего Хохловского карьера Вольхина, принявшего на работу 5 дезертиров [10, л. 115–116].

В-пятых, реализация Постановления СНК СССР от 29 июня 1944 года свидетельствовала о понимании верховной властью главных причин трудового дезертирства. Руководители предприятий и первичные партийные организации в целях профилактики дезертирства обязывались изыскивать возможности для улучшения материальных и жилищно-бытовых условий, особенно для входящих в группы риска рабочих. Это привело к интересному явлению летом – осенью 1944 года: на некоторых крупных оборонных предприятиях г. Молотова были проведены месячники (двухмесячники) общественного смотра по закреплению рабочих кадров и повышению трудовой дисциплины. Они предусматривали комплексные мероприятия по улучшению жилищно-бытовых условий работников, организации рабочего снабжения,

правильному использованию работника на производстве (более подробно см.: [17, с. 187–189]). На материалах по Магнитогорскому металлургическому комбинату М.Н. Потемкина и Е.В. Токарев сделали вывод о постепенном смещении акцентов в 1943–1945 годах в системе мотивации труда с карательных мер на методы поощрения и материального стимулирования [18, с. 138]. Правда, политика по улучшению материальных, жилищно-бытовых условий даже в конце войны ограничивалась весьма скудными ресурсами предприятий, которые можно было направить на данные цели.

Одновременно Постановление СНК СССР от 29 июня 1944 г. указывало на персональную ответственность хозяйственного и партийного руководства предприятий истроек за высокий уровень дезертирства с производства. В одном из решений бюро Кагановического горрайкома ВКП(б) г. Молотова (август 1944 г.) данная тенденция отразилась наилучшим образом: «Предупредить директоров предприятий и секретарей парторганизаций, что наличие дезертирства на оборонных предприятиях является позорнейшим фактом в жизни парторганизаций». Фиксируются случаи, когда руководство некоторых малочисленных «проблемных» организаций начинает привлекаться к ответственности. Так, директору завода «Коммунар» бюро Кагановического горрайкома ВКП(б) объявило выговор без занесения в учетную карточку за «бездушно-бюрократическое отношение к молодым рабочим». Данное отношение выразилось в необеспечении тех обувью, одеждой и постельным бельем, нежелании создавать сносные бытовые условия. При этом в решении бюро парткома оговаривалось: «Если не будет принято мер к прекращению дезертирства, директор будет привлечен к строжайшей партийной ответственности». А помощник директора того же завода, в чьи обязанности входили вопросы жилищно-бытового обслуживания, был привлечен судом уже к уголовной ответственности [19, л. 189–190]. Безусловно, такие примеры привлечения представителей хозяйственной администрации к ответственности были единичными. В условиях войны высокий номенклатурный статус и особая значимость директоров предприятий военной промышленности (именно такие крупные районо- и градообразующие оборонные предприятия были «лидерами» по количеству дезертиров производства в Молотовской области. – Ю.Б.) обеспечивали их своеобразным иммунитетом, защищавшим его носителей от нападков регионального и местных парткомов, органов прокуратуры за высокий уровень дезертирства.

Однако анализ делопроизводственной документации местных парткомов показывает важный нюанс межведомственного взаимодействия, который можно расценивать как скрытое сопротивление практической реализации рассматриваемого правительственного постановления. При добровольном возвращении дезертира руководство предприятия имело право допускать его до работы. С юридической точки зрения это меняло существо обвинения, и поэтому на этом основании прокуратура переклассифицировала уголовное дело: отныне работник подлежал уголовному преследованию именно по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года как индивид, совершивший прогул. В условиях войны такая переклассификация уголовного дела предполагала для осужденного исправительно-трудовые работы по его месту трудовой деятельности (до полугода), вычет в течение этого времени из заработной платы (до 25 %) и (с октября 1942 г.) снижение норм выдачи хлеба.

Данная уловка по обходу требований Постановления СНК СССР от 29 июня 1944 года позволяла сохранить рабочую силу непосредственно на предприятиях. Практика органов прокуратуры по освобождению из-под ареста и направлению пойманных дезертиров производства на прежнее предприятие была достаточно распространена, что, по мнению милицейского руководства, обесценивало их розыскные мероприятия. Так, за июнь-август 1944 года органа-

ми милиции г. Молотова было задержано за дезертирство с предприятий оборонной промышленности 489 человек, из которых 98 человек прокурорами были освобождены и направлены для работы на прежние предприятия. Когда городское милицмейское руководство потребовало объяснений от прокурора Кировского района г. Молотова (поскольку формально такая практика являлась неисполнением приговора военного трибунала), то тот неоднократно отвечал в следующем стиле: «Пусть работают на заводе и выполняют оборонное задание» (примеры см.: [14, л. 51–55]). Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 года фактически легализовал данную практику, что позволяло значительно уменьшить количество дезертиров производства, направляемых в пенитенциарную систему.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 года: курс на амнистию как способ сохранения рабочей силы на предприятиях военной промышленности. Увеличение численности заключенных за счет трудовых дезертиров уменьшало на то же число потенциальное количество рабочей силы на предприятиях оборонных наркоматов. В декабре 1944 года именно хозяйственниками (наркомами танковой промышленности СССР, вооружений СССР, боеприпасов СССР В.А. Малышевым, Д.Ф. Устиновым и Б.Л. Ванниковым соответственно) был внесен проект Указа об амнистии возвратившихся на предприятия трудовых дезертиров. Видимо, главной целью этого проекта стало ограничить переток рабочей силы с предприятий оборонной промышленности, которые лидировали по количеству трудовых дезертиров, в систему исправительно-трудовых учреждений НКВД. В сопроводительной записке В.М.Молотов, исполнявший обязанности заместителя Председателя Совета народных комиссаров СССР, обращал внимание главы Советского Правительства И.В. Сталина на то, что «... за последнее время на предприятия военной промышленности возвращается значительное число рабочих (и в их числе квалифицированные рабочие кадры), дезертировавших в 1943–1944 годах и которые как дезертиры должны отбывать наказания не на данном заводе, а в общих местах заключения. Применение амнистии даст возможность вернуть промышленности обученные кадры в значительном количестве, т.к., по данным НКЮ, в настоящее время имеется более 200 тысяч заочно осужденных дезертиров с военных предприятий, которые до сего времени еще не разысканы» [цит. по: 11, с. 45–46].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 года предусматривал амнистию лицам, самовольно ушедшим с предприятий, на которые распространялось действие Указа от 26 декабря 1941 года, если они до 30 декабря 1944 года добровольно возвратились на эти предприятия. Одновременно Указ об амнистии действовал и в отношении тех дезертиров производства, кто возвращался обратно на свои предприятия до 15 февраля 1945 года [20]. Такая категория работников за совершенное трудовое преступление уже не подлежала суду военных трибуналов и не направлялась в качестве заключенных в систему исправительно-трудовых учреждений. Даже в случае розыска и поимки (т.е. не добровольного возврата) дезертира местный прокурор обязательно спрашивал его о желании возвратиться на прежнее предприятие: в случае положительного ответа дезертир также попадал под амнистию [21, с. 7]. В этом случае данный прокурор брал с задержанных подписку о явке на прежнее место работы, органы милиции выдавали задержанным дезертирам пропуска для проезда к прежнему месту работы. Подписка о явке на предприятие вместе с розыскным заданием направлялась уже прокурору по месту нахождения предприятия. Последний в свою очередь обязан был проверить, приступил ли дезертир к работе, в противном случае – дело вновь передавалось в суд [13, с. 240–241].

По достаточно спорному мнению С.А. Папкова, Указ от 30 декабря 1944 года «освободил от уголовной ответственности тех “мертвых душ”, которых не удалось разыскать и осу-

доть до сих пор» (подробнее см.: [22, с. 79]). Следует подчеркнуть, что обязательным условием для амнистирования являлось возвращение дезертира на предприятие, с которого он самовольно ушел. Одновременно рассматриваемая амнистия по закону 1944 года сочеталась с частичным освобождением из исправительно-трудовых учреждений индивидов, отбывавших наказание за трудовые преступления, предусмотренные Указом от 26 декабря 1941 года.

Отчетливо наблюдаемая смена государственной политики в отношении дезертирства с предприятий военной промышленности в исторической науке объясняется рядом обстоятельств. Прежде всего следует принимать во внимание ситуацию на фронте, близость и неотвратимость победоносного окончания войны. Многие из описанных выше негативных факторов экономического развития, присущих начальному периоду войны и породивших необходимость в Указе от 26 декабря 1941 года, к 1945 году были в основном успешно преодолены. В этих условиях верховная власть получила возможность несколько ослабить механизмы принуждения в интересах производства [18, с. 139]. Однако, на наш взгляд, более важной причиной стала недостаточная эффективность усиления карательных мер по поиску и возврату дезертиров. Предусмотренное реализацией Постановления СНК СССР от 29 июня 1944 года усиление репрессивных методов борьбы с явлением трудового дезертирства в ситуации превышения спроса над предложением на рынке труда оказалось очень затратным в сравнении с достигнутым результатом, особенно из-за наличия противоречий бюрократически ориентированных интересов различных ведомств и организационных проблем взаимодействия этих ведомств для обеспечения карательной политики. В этих условиях одержали верх прагматичные лоббистские устремления наркомов оборонной промышленности: если органы юстиции работают «вхолостую», а розыск дезертиров не дает желаемого результата для производства, то почему бы не завлечь самовольно оставившего место работы обратно на предприятие амнистией?! Архивные материалы позволяют крайне скромно оценивать результаты данной амнистии. Руководство предприятий в первой половине 1945 года продолжало сталкиваться с проблемой трудового дезертирства.

Тем не менее тенденция на ослабление карательной политики была более последовательно продолжена уже после окончания Великой Отечественной войны. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 года, среди категорий граждан, подлежащих амнистии из мест лишения свободы в связи с победоносным окончанием войны, значились лица, осужденные за «дезертирство с производства». Данные индивиды полностью освобождались от уголовного наказания, с них одновременно снималась судимость. При этом полностью прекращались все судебные-следственные дела на лиц, находившихся в розыске, и дела, не рассмотренные судами до 7 июля 1945 года, на задержанных дезертиров [23]. Однако июльскую амнистию дезертиров производства, на наш взгляд, не следует рассматривать исключительно как акт своеобразной благодарности государства трудящемуся населению за победу. Фактически это было признанием бессилия системы правоохранительных и судебных органов реализовывать закон о трудовом дезертирстве в тех масштабах, которые приобрело данное социальное явление в условиях войны. Даже несмотря на окончание Великой Отечественной войны, Указ от 26 декабря 1941 года продолжал действовать вплоть до его полной отмены в 1948 году и обеспечивал государственную политику по управлению трудовыми ресурсами. Более того, после войны трудовое дезертирство получило новый импульс, и уже с августа 1945 года местные парткомы были вынуждены вновь рассматривать актуальные вопросы о состоянии трудовой дисциплины на предприятиях подведомственной территории [24, л. 147–150].

Выводы. На завершающем этапе Великой Отечественной войны прослеживаются очевидные маневры власти в реализации Указа от 26 декабря 1941 года для розыска и возврата трудовых дезертиров. Постановление Советского Правительства от 29 июня 1944 года было призвано разрешить уже сложившиеся проблемы: низкую эффективность профилактической функции карательной политики на трудовом фронте; малорезультативный розыск трудовых дезертиров; небрежную халатность и злоупотребление администрациями предприятий полномочиями при формировании материалов на дезертиров; незаинтересованность хозяйственных организаций в решении проблем, которые порождали явление производственного дезертирства; относительную легкость трудоустройства дезертиров на новом месте работы и т.д. Поэтому оно предусматривало достаточно последовательные и комплексные мероприятия по профилактике самовольного оставления места работы (введение предварительного следствия и отказ от заочного осуждения дезертиров, изменение процедуры их розыска, организация открытых показательных процессов непосредственно на предприятиях, привлечение к уголовной ответственности как «покровителей» и «укрывателей» дезертиров, так и руководителей за «бездушно-бюрократическое отношение» к рабочим). Данный подзаконный акт не только повышал уровень видимости процессуального исполнения карательного законодательства в сфере регулирования рынка труда, но и активизировал деятельность по усилению материальных методов поощрения работников, некоторому улучшению их жилищно-бытовых условий.

Однако архивные материалы позволяют сделать вывод о кампанейском способе реализации этого постановления, что предопределило достаточно быстрое «затухание» бюрократической активности. Ситуация на рынке труда (дефицит рабочей силы) и номенклатурная организация власти и управления объективно препятствовали его полноценному выполнению. Отчеты местных парткомов подчас напоминали формальные отписки о проведенных мероприятиях, а проблема трудового дезертирства продолжала оставаться актуальной. Поиск руководителей, виновных в приеме дезертиров на работу, некачественное оформление материалов и злоупотребление полномочиями коснулся только низкостатусных номенклатурных и «околономенклатурных» работников. Опасность потери рабочих рук от реализации рассмотренного Постановления 1944 года заставила руководство оборонных наркоматов «под давлением снизу» лоббировать амнистию для трудовых дезертиров. Причем обязательным условием амнистии по Указу от 30 декабря 1944 года стало добровольное (и не только) возвращение дезертира на прежнее место работы.

По нашему мнению, амнистию от 7 июля 1945 года следует рассматривать не только как акт благодарности государства трудящемуся населению, способ разгрузки системы исправительно-трудовых учреждений, но и как признание невозможности борьбы с данным масштабным социальным явлением, способ разгрузки судебных и правоохранительных органов от накопившихся за период войны дел на дезертиров. При этом правовая основа для привлечения индивидов к уголовной ответственности за самовольное оставление места работы с оборонных предприятий продолжала существовать еще три года после окончания войны.

Список литературы

1. Тряхов И.С. Динамика и причины нарушения трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны (на материалах города Коврова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 330–348. DOI.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-330-348

2. Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий [Электронный ресурс]: Указ Президиума Верховного Сове-

та СССР от 26 декабря 1941 года. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3990#09100055075670468> (дата обращения: 21.06.2020).

3. Белоногов Ю.Г. Ведомственные интересы и розыск трудовых дезертиров в период Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области) // Гуманитарные проблемы военного дела: военно-научный журнал. – 2020. – №1. – С. 46–52.

4. Козинцев А.Я. Кампания по борьбе с «дезертирством» с предприятий военной промышленности СССР в 1941–1948 годах // Отечественная история. – 2008. – №6. – С. 101–107.

5. Романов Р.Е. Регулирование трудовой мобильности населения СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: нормы и реальность // Историко-экономические исследования. – 2015. – Т. 16, № 2. – С. 271–296.

6. Романов Р.Е. Эволюция системы трудовых стимулов рабочих советской промышленности в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Молодой ученый. – 2017. – № 35 (169). – С. 67–74.

7. Скрипник А.Н. Методы стимулирования трудовой дисциплины на советских оборонных предприятиях в 1941–1945 гг. // Экономическая история. – 2019. – Т. 15, № 1 (44). – С. 91–102.

8. Об устранении недостатков в практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года [Электронный ресурс]: Постановление Совета народных комиссаров СССР № 789 от 29 июня 1944 года. – URL: <https://man-with-dogs.livejournal.com/559676.html> (дата обращения: 21.06.2020).

9. Докладные записки в обком ВКП(б) от Коми-Пермяцкого окружкома, Юсьвинского и Кочевского РК ВКП(б) о выполнении постановления обкома ВКП(б) по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г., по вопросам сельского хозяйства 1944 г. // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПГАСПИ). Ф. 105. Оп. 10. Д. 179. Л. 1–19.

10. Сведения о движении рабочей силы и нарушениях трудовой дисциплины по предприятиям города Краснокамска за 1944 г. // ПГАСПИ. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 457. Л. 1–243.

11. Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 года ... (еще одна круглая дата) // Радуга. – 1990. – № 6. – С. 43–49.

12. Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 104–114. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10353

13. Ветошкина О.В. «Мобилизован на производство»: к вопросу о формировании мобилизационной модели трудовых отношений в 1941–1945 гг. (на примере оборонных заводов Удмуртии) // Проблемы изучения военной истории: сб. ст. Третьей всерос. науч. конф. с междунар. участием / ООО «Научно-технический центр». – Самара, 2015. – С. 237–242.

14. Докладные о нарушении Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г. на предприятиях г. Молотов // ПГАСПИ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 415. Л. 1–101.

15. Докладные записки прокурора Сталинского района г. Молотов о состоянии трудовой дисциплины за 1943 г. // ПГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 153. Л. 1–28.

16. Докладные записки, письма, сведения по выполнению постановлений бюро обкома ВКП(б), о работе промышленных предприятий и транспорта, сельского хозяйства, о трудовой дисциплине на предприятиях, о работе учреждений культуры, административных органов за 1943 г. // ПГАСПИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 131. Л. 1–263.

17. Белоногов Ю.Г. Политика по укреплению трудовой дисциплины на оборонных предприятиях г. Молотова в период Великой Отечественной войны // Город Пермь в про-

мышленном развитии России: исторический опыт и современный потенциал: материалы науч.-практ.конф. (Пермь, 25 октября 2018 г.). – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2018. – С. 179–192.

18. Потемкина М.Н., Токарев Е.В. Мотивация труда в южноуральской промышленности: механизмы и практика военного периода (на примере Магнитогорского металлургического комбината 1941–1945 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2020. – № 1 (33). – С. 132–143.

19. Протоколы №№ 92-104 заседаний бюро Кагановическогогоррайкома ВКП(б) г. Молотов за 1944 г. // ПГАСПИ. Ф. 106. Оп. 1. Д. 219. Л. 1–205.

20. Об амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия [Электронный ресурс]: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 года. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.06.2020).

21. Рогалева Н.В. Уголовно-правовая политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. – 2011. – № 2 (5). – С. 4–8.

22. Папков С.А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. – 2011. – № 12. – С. 72–80.

23. Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией [Электронный ресурс]: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 07 июля 1945 г. – URL: <http://base.garant.ru/70805508/> (дата обращения: 21.06.2020).

24. Протоколы заседаний бюро Краснокамского городского комитета ВКП(б), том № 3 за 1945 г. // ПГАСПИ. Ф. 1290. Оп. 62. Д. 5. Л.1–201.

References

1. Triakhov I.S. Dinamika i prichiny narusheniia trudovoi distsipliny v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh goroda Kovrova) [*Dynamics and causes of violations of labor discipline during the Great Patriotic War (on the materials of the city of Kovrov)*]. *RUDN Journal of Russian History*, 2020, vol. 19, no. 2, pp. 330–348. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-2-330-348
2. Ob otvetstvennosti rabochikh i sluzhashchikh predpriatii voennoi promyshlennosti za samovol'nyi ukhod s predpriatii. Ukaz Prezidiума Verkhovnogo Soveta SSSR ot 26 dekabria 1941 goda [On the responsibility of workers and employees of enterprises of the military industry for unauthorized departure from enterprises. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated December 26, 1941], available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3990#09100055075670468> (accessed 21 June 2020).
3. Belonogov Y.G. Vedomstvennye interesy i rozysk trudovykh dezertirov v period Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Molotovskoi oblasti) [Departmental interests and search for labor deserters during the Great Patriotic War (based on the materials of the Molotov region)]. *Gumanitarnye Problemy Voennogo Dela. Voенно-Nauchnyi Zhurnal*, 2020, no. 1, pp. 46–52.
4. Kodintsev A.Ia. Kampaniia po bor'be s «dezertirstvom» s predpriatii voennoi promyshlennosti SSSR v 1941-1948 godakh [Campaign to combat "desertion" from the enterprises of the military industry of the USSR in 1941-1948]. *Otechestvennaia Istoriiа*, 2008, no. 6, pp. 101–107.
5. Romanov R.E. Regulirovanie trudovoi mobil'nosti naseleniia SSSR nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: normy i real'nost' [Regulation of labor mobility of the population of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War: norms and reality]. *Journal of Economic History and History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 2, pp. 271–296.
6. Romanov R.E. Evoliutsiia sistemy trudovykh stimulov rabochikh sovetskoii promyshlennosti v gody Vtoroi mirovoi voiny (1939–1945 gg.) [Evolution of the system of labor incentives for workers in the soviet industry during the second World War (1939-1945)]. *Molodoi Uchenyi*, 2017, no. 35 (169), pp. 67–74.
7. Skripnik A.N. Metody stimulirovaniia trudovoi distsipliny na sovetskikh oboronnykh predpriatiiakh v 1941-1945 gg. [Methods of stimulation of labour discipline at soviet defense enterprises in 1941–1945]. *Russian Journal of Economic History*, 2019, vol. 15, no. 1 (44), pp. 91–102.
8. Ob ustraneniі nedostatkov v praktike primeneniia Ukaza Prezidiума Verkhovnogo Soveta SSSR ot 26 dekabria 1941 goda. Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov SSSR № 789 ot 29 iunia 1944 goda [On the elimination of shortcomings in the practice of applying the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of December 26, 1941. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 789 of June 29, 1944], available at: <https://man-with-dogs.livejournal.com/559676.html> (accessed 21 June 2020).
9. Dokladnye zapiski v obkom VKP(b) ot Komi-Permiatskogo okruzhkoma, lus'vinskogo i Kochevskogo RK VKP(b) o vypolnenii postanovleniia obkoma VKP(b) po Ukazu Prezidiума Verkhovnogo Soveta SSSR ot 26 dekabria 1941 g., po voprosam sel'skogo khoziaistva za 1944 g. [Memorandums to the regional committee of the VKP (b) from the Komi-Permyak district committee, Yusvinsky and Kochevsky RK VKP (b) on the implementation of the resolution of the regional committee of the VKP (b) by the Decree of the Presidium

of the Supreme Soviet of the USSR dated December 26, 1941, on agricultural issues in 1944 g.]. *Permskii Gosudarstvennyi Arkhiv Sotsial'no-Politicheskoi Istorii (PermGASPI)*, f. 105, op. 10, d. 179, l. 1–19.

10. Svedeniia o dvizhenii rabochei sily i narusheniakh trudovoi distsipliny po predpriiatiiam goroda Krasnokamska za 1944 g. [Information about the movement of labor and violations of labor discipline at the enterprises of the city of Krasnokamsk for 1944]. *PermGASPI*, f. 1290, op. 1, d. 457, l. 1–243.

11. Zemskov V.N. Ukaz ot 26 iunია 1940 goda ... (eshche odna kruglaia data) [Decree of June 26, 1940 ... (Another Round Date)]. *Raduga*, 1990, no. 6, pp. 43–49.

12. Zemskov V.N. Organizatsiia rabochei sily i uzhestochenie trudovogo zakonodatel'stva v gody Velikoi Otechestvennoi Voiny [Workforce organization and tightening of labor legislation during the Great Patriotic War]. *International Relations*, 2014, no. 1, pp. 104–114. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10353

13. Vetoshkina O.V. «Mobilizovan na proizvodstvo»: k voprosu o formirovanii mobilizatsionnoi modeli trudovykh otnoshenii v 1941-1945 gg. (na primere oboronnykh zavodov Udmurtii) ["Mobilized for production": on the formation of a mobilization model of labor relations in 1941-1945. (on the example of defense plants of Udmurtia)]. *Problemy izucheniia voennoi istorii. Proceedings of the 3rd All-Russian Conference with International Participation*. Samara. OOO «Nauchno-tekhnicheskii tsentr», 2015, pp. 237–242.

14. Dokladnye o narushenii Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 26 iunია 1940 g. i 26 dekabria 1941 g. na predpriiatiiakh g. Molotov [Reports on violation of the Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 26, 1940 and December 26, 1941 at the enterprises of the city of Molotov]. *PermGASPI*, f. 1, op. 22, d. 415, l. 1–101.

15. Dokladnye zapiski prokurora Stalinskogo raiona g. Molotov o sostoianii trudovoi distsipliny za 1943 g. [Memoirs of the Prosecutor of the Stalin District of the city of Molotov on the state of labor discipline in 1943]. *PermGASPI*, f. 231, op. 1, d. 153, l. 1–28.

16. Dokladnye zapiski, pis'ma, svedeniia po vypolneniiu postanovlenii biuro obkoma VKP(b), o rabote promyshlennykh predpriatii i transporta, sel'skogo khoziaistva, o trudovoi distsipline na predpriiatiiakh, o rabote uchrezhdenii kul'tury, administrativnykh organov za 1943 g. [Memorandums, letters, information on the implementation of the decisions of the bureau of the regional committee of the CPSU (b), on the work of industrial enterprises and transport, agriculture, on labor discipline at enterprises, on the work of cultural institutions, administrative bodies for 1943]. *PermGASPI*, f. 105, op. 9, d. 131, l. 1–263.

17. Belonogov Iu.G. Politika po ukrepleniiu trudovoi distsipliny na oboronnykh predpriiatiiakh g. Molotov v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Policy on strengthening labor discipline at defense enterprises of the city of Molotov during the Great Patriotic War]. *Gorod Perm' v promyshlennom razvitii Rossii: istoricheskii opyt i sovremennyi potentsial. Proceedings of the Scientific and Practical Conference*. (Perm', 25 oktiabria 2018 g.). Perm', Permskii natsional'nyi issledovatel'skii politekhnicheskii universitet, 2018, pp. 179–192.

18. Potemkina M.N., Tokarev E.V. Motivatsiia truda v iuzhnoural'skoi promyshlennosti: mekhanizmy i praktika voennogo perioda (na primere Magnitogorskogo metallurgicheskogo kombinata 1941-1945 gg.) [Labor motivation in the South Ural industry: mechanisms and practice of the war period (on the example of the Magnitogorsk metallurgical plant 1941-1945)]. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta. Elektronnyi Nauchnyi Zhurnal*, 2020, no.1 (33), pp. 132–143.

19. Protokoly №№ 92-104 zasedanii biuro Kaganovicheskogo gorraikoma VKP(b) g. Molotov za 1944 g. [Minutes No. 92-104 of meetings of the Bureau of the Kaganovich Gorraikom VKP (b) Molotov for 1944]. *PermGASPI*, f. 106, op. 1, d. 219, l. 1–205.

20. Ob amnistii litsam, samovol'no ushedshim s predpriatii voennoi promyshlennosti i dobrovol'no vozvrativshimsia na eti predpriatii. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 30 dekabria 1944 goda [About amnesty to persons who have left the enterprises of the military industry and voluntarily returned to these enterprises. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of December 30, 1944], available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 21 June 2020).

21. Rogaleva N.V. Ugolovno-pravovaia politika sovetskogo gosudarstva v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Criminal law policy of the Soviet State in the years of the Great Patriotic war]. *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2011, no. 2 (5), pp. 4–8.

22. Papkov S.A. Karatel'noe pravosudie na trudovom fronte v SSSR v 1941–1945 gg. [Punitive Justice on the Labor Front in the USSR (1941–1945)]. *Voprosy Istorii*, 2011, no. 12, pp. 72–80.

23. Ob amnistii v sviazi s pobedoi nad gitlerovskoi Germaniei. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 07 iulia 1945 g. [About the amnesty in connection with the victory over Nazi Germany. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated July 7, 1945], available at: <http://base.garant.ru/70805508/> (accessed 21 June 2020).

24. Protokoly zasedanii biuro Krasnokamskogo gorodskogo komiteta VKP(b), tom № 3 za 1945 g. [Minutes of the meetings of the Bureau of the Krasnokamsk city committee of the CPSU (b), volume No. 3 for 1945]. *PermGASPI*, f. 1290, op. 62, d. 5, l. 1–201.